

СМЕШЕНИЕ ЖАНРОВ В "ВАЛЕРИКЕ" ЛЕРМОНТОВА

Anthony Briggs (Bristol, Velká Británie)

11-ого июля 1840 года ровно за год и четыре дня до смерти поручик Михаил Фрьевич Лермонтов принял участие в кровопролитном сражении с кавказскими горцами при реке Валерике. Как известно, в этом сражении он отличился и был представлен к награде. Молодой офицер, который "исполнил возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием" получил бы орден, если бы не личное вмешательство самого царя Николая I, который отказался утвердить представление. Лермонтов, однако, смеялся последним. Он написал свои воспоминания и размышления об этом происшествии в незабываемом стихотворном произведении из 261-го стиха, якобы без заглавия, начинавшегося с фразы: "Я к вам пишу случайно, право, ...". Это произведение, признанное одним из его наилучших, свидетельствует о храбрости и, вместе с тем, его художественном таланте более эффективно и более продолжительно, чем могла бы сделать любая оловянная медаль. Оно объединяет усилия с несколькими другими произведениями Лермонтова, как например, "Бородино" и "Завещание", чтобы прояснить сложное, содержательное высказывание об отношении человечества к насилию и войне. Идеи Лермонтова в этой области значительны не только сами по себе, но они также оказали влияние на последующих писателей и мыслителей. Один известный критик, например, описывает кульминационный пункт "Валерика" как "знаменитое место, подготавлившее будущие морально-пацифистские рассказы и очерки Льва Толстого".¹ Другой утверждает, что "Валерик" представляет собой "звено, связывающее "Медного всадника" с военными сценами "Войны и мира".² Третий связывает "Валерика" не только с "Войной и миром", но и с "Севастопольскими рассказами" и даже с сочинениями целого ряда писателей о военном деле, таких, как Гаршия, Фадеев, Нагибин, Бакланов, Симонов, Казакевич, В. Некрасов, Гроссман. Он даже описывает его как "новый - к несчастью, уже последний - поворот в развитии Лермонтова как поэта."³ Поэтому, если судить по общему критическому мнению, то мы имеем дело здесь с одним из самых серьезных и весомых произведений этого известного поэта.

Однако о чем точно идет речь? О какого рода произведении? Кажется, что хотя комментаторы и соглашались с высоким качеством его, никто не мог решить самые простые вопросы - как называется это произведение и какими литературными терминами оно определяется? В частности, бросается в глаза, что не полностью установлено, к какому жанру оно принадлежит.

Если редактор Андроников⁴ и критик Коровин⁵ в своих исследованиях, адресованных преимущественно школьникам, говорят о "стихотворении" "Валерик", то Владимир Архипов в более обширной работе смысляет на "поэму о Кавказской войне - "Валерик".⁶ Стихотворение это или поэма? Вопрос, по-видимому, решается словами Антокольского, который утверждает, что это "большое стихотворение, почти по-

эма".⁷ В другом месте, однако, Эйхенбаум изменяет и описание этого произведения и его заглавие, когда он переходит к выражению "послание" "Я к вам пишу ...". Слово "послание" пользуется популярностью и у разных других критиков. Андроников объясняет, что "Стихотворение написано в форме послания к женщине ...",⁸ известный дерматовед В. А. Мануйлов тоже говорит о "стихотворном послании".⁹ Тогда как Э. Э. Найдич, хотя и принимает описание "Валерика" как "стихотворное послание", отвергает заглавие "Валерик", так как оно, кажется, "противоречит самому жанру"¹⁰ (Более об этом ниже.) В данном контексте употребляется слово "письмо". Дмитрий Мирский определяет "Валерик", как "письмо в стихах". Эйхенбаум, с другой стороны, убеждает нас, что слова "письмо" и "послание" неадекватны. О послании он говорит: "Этот интимный жанр Лермонтов развернул в целый стихотворный очерк, начинавшийся в стиле письма ..."¹¹ Он добавляет впоследствии, что это произведение "представляет характерный для Лермонтова образец сочетания личных, интимных тем с эпическим и философским материалом. По своим жанровым тенденциям оно выходит за пределы классических дружеских "посланий" и приближается к жанру очерка."¹² Итак, стихотворение превратилось (или почти превратилось) в поэму, оба эти жанра скрываются под эгидой "послания", а послание стало (или почти стало) очерком. Но это еще не последнее слово. Как указывает Архипов, все попытки привязать это произведение к твердой почве жанрового определения обречены на гибель. "Здесь, в "Валерике", - говорит он, "верх взяла центробежная сила, и она помогает каждому эпизоду превратиться в "случай" без конца и начала." Другими словами, в "Валерике" "... делого нет, оно распадается на ряд элементов, превращается в хронику художественного репортажа ...".¹⁴

Вопрос о заглавии, или об отсутствии заглавия этого произведения представляет трудности. Впервые стихотворение "Валерик" было опубликовано в 1843 году. Его доставил с Кавказа через два года после гибели Лермонтова один из его сослуживцев. Петербургские издатели напечатали текст под заглавием "Валерик", но рукопись, по которой они работали, до нас не дошла. Надо сказать, что в черковом автографе Лермонтова этого названия нет. Современные редакторы правы, когда опускают заглавие, но все-таки об этом нельзя не сожалеть. Название "Валерик" короче, энергичнее, более захватывающе и ближе к истинному замыслу произведения. Оно противоречит жанру только в том случае, если включается в очередную категорию "стихотворных посланий", и можно с уверенностью утверждать, что "Валерик" далеко выходит за пределы этого жанра. Слово "Валерик" отмечает место по крайней мере двух великих сражений; оно более достойно серьезного содержания этого произведения, чем тот забавный и отрицательный открывавший стих, которым оно обозначается почти в каждом указателе:

"Я к вам пишу случайно; право ..."

Этот стих и последующий: "Не знал как и для чего", - вводят читателя в заблуждение. Во-первых, они звучат совершенно отрицательно, как будто поэт, не имея никакой цели, не пишет ни о чем важном. Известно, что дух отрицания царит над всеlejной Лермонтова. Восемьдесят один процент его стихотворений включает, по крайней мере, одно слово отрицания. Сорок процентов включает такое выражение в первом или последнем изречении. Значительное количество из них, действительно, негативно - эти стихи затрагивают вопросы о смерти, забвении, несуществовании и т. д. Но в этом случае, хотя чувство отрицания продолжается вплоть до пятидесятой пятой строки, поэт создает фальшивое впечатление. Он изливает такой по-

ток пессимистических замечаний, что хочется спросить, куда он нас ведет? Кажется, на такую территорию, где земля настолько выжжена, что там ни былинки не может расти. И наоборот, следует описание боя, его последствия и размышления о нем, которые, как мы уже видели, последующие писатели считали глубоко вдохновляющими. Начальные строки нас обманывают и в другом смысле. Открывающие слова: "Я к вам пишу ..." так очевидно направляют внимание на одни из самых известных стихов в русском литературном пантеоне, то есть на письмо Татьяны, что нельзя не думать о Евгении Онегине. Значит о неуспехе этого письма и кроме того, о жанровой странности, даже уникальности этого романа. Все это интересно, забавно, но очень некстати, если иметь в виду серьезность и положительный эффект, которые возникают далее в этом произведении.

Явно, что вопросы о жанровом определении этой работы, ее названии, и ее склонности к обманчивости представляют большие затруднения. Что делать? Как рассеять эту сумятицу? Может быть, эти проблемы неразрешимы. Не следует стремиться к одному окончательному разрешению. В конце концов не случайно возникают трудности в трех разных областях этого произведения. Надо сказать, что высокое качество его истекает из неуловимого, неопределимого, даже противоречивого характера "Валерика". Как и "Герой нашего времени", это произведение создает жанровые ожидания, которые не должны быть оправданы. Как только появляется какое-то более или менее ясное представление о его форме, оно принимает другую форму. Оно покрывает очень широкий диапазон, что касается содержания и тона, и основными качествами его являются разнообразие и контраст.

Поэма "Валерик" (так следует называть это произведение) представляет собой довольно странную и полифоническую природу. Она говорит по крайней мере семь голосами. Поэма открывается и кончается

1) личным голосом поэта, направляющего бывшей любовнице иктимне, хотя и не очень дружелюбные или счастливые слова. Этот голос употребляет преимущественно местоимения "Я" и "Вы".

2) Второй голос, размышляюще-риторический, приобретает задумчивый, более поэтический тон. "Я" теперь разговаривает не с одним лицом, а со многими, со всеми или, может быть, ни с кем не разговаривает.

Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

3) Безличный голос, адресованный самому себе, создает чувство неопределенности. Когда поэт говорит:

до только с осязаемыми материальными вещами, лицами и действиями, со всем, что будет близко, доступно и в маленьком масштабе:

Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Вродили страшно, он шептал ...

7) Остается седьмой голос, голос прямой речи, которым передаются слушателю изречения участников в рассказе. Их слова представляются либо отрывисто, и без отнесения к данному лицу:

Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьвчить? - что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? - Дай огниво! -

либо в форме ясного диалога:

... я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: "Валерик,
А перевести на ваш язык
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми".
- А сколько их дралось примерно
Сегодня? - Тисяч до семи.
- А много горшк потеряли?
- Как знать? - зачем вы не считали!

Этот голос в любой из своих двух форм дает толчок новизны, разнообразия и возобновленного реализма.

Итак, в этом произведении поэт повествует по крайней мере семью разными голосами, причем некоторые из них принимают разные формы. Нужно к этому добавить, что еще в одном подобном смысле эта поэма является большой редкостью. В течение повествования она употребляет все возможные лица глагола, то есть семь равных глагольных форм от первого лица до третьего в обоих числах и включая безличную форму. 1. "Я к вам пишу ..." 2. "Зато лежишь в густой траве / и дремлешь ..." 3. "Он умирал ..." 4. "Мы проходили темный лес ..." 5. "Вы это знаете давно ..." 6. "А много горшк потеряли?" 7. "Кто не успел ...", "Уже затихло все ...", "Вам, конечно, все равно ..." и множество других безличных конструкций.

Куда обратиться, чтобы найти подобное произведение - в нем всего 261 строка - скажем, не больше 1500 слов - с этим редким

качеством?

Употребление Лермонтовым всех шести глагольных лиц и семи разных повествовательных голосов указывает на основной принцип этой поэмы - разнообразие. Чувствуются в ней с начала до конца повороты, изменения, контраст, вариации, многоголосие. Именчивость поэмы далеко не подрывает ее значительности - наоборот, она придает обширность, основанную на увлекательной, заманчивой, многообещающей полифонии. Таким образом возможность дисгармонии исчезает, даже когда поэт переходит от самых тривиальных разговорных выражений ("Вы это знаете давно / И вам, конечно, все равно") до глубоких философских размышлений, вроде следующего:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет! ... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он - зачем?

Из всего сказанного следует, что не приходится ломать себе голову над проблемами, которые возникают при хаковом определении этого произведения. Вероятно, что термин "поэма" и заглавие "Валерик" самые подходящие из всех предложенных. Однако сложность и неопределенность, которые встречаются в этой довольно узкой области, тесно связаны прежде всего со сложностью и неопределенностью других литературных приемов, заметных в том же самом произведении, и с его сложным и обширным смысловым содержанием. Они возникают не ошибочно и не случайно, а были специально выбраны Лермонтовым как самое эффективное средство выражения целого ряда очень серьезных идей. Намеренное смешение хаков в "Валерике" указывает на неограниченность идейного замысла этой поэмы.

Примечания

- 1 Эйхенбаум, В. М.: М. Д. Лермонтов. Стихотворения. Библиотека Поэта. Ленинград 1940, т. 1, с. 326.
- 2 Prince Mirsky, D. S.: A History of Russian Literature. New York, Alfred A. Knopf. 1960, p. 156.
- 3 Антокольский, П. Г.: М. Д. Лермонтов. Избранные произведения в двух томах. Библиотека поэта, Москва-Ленинград 1964, т. 1, с. 45.
- 4 Андроников, И. Л.: М. Д. Лермонтов. Избранные произведения. Школьная библиотека. Москва 1962, с. 475.
- 5 Коровин, Э. И.: Творческий путь М. Д. Лермонтова. Москва 1973, с. 76.
- 6 Архипов, В.: М. Д. Лермонтов: Поэзия познания и действия. Москва 1965, с. 423.
- 7 Антокольский, в цитированном месте.
- 8 Андроников, в цитированном месте.
- 9 Мануйлов, В. А.: М. Д. Лермонтов: биография. Москва-Ленинград 1964, с. 156.
- 10 Найдич, Э. Э.: М. Д. Лермонтов. Избранные произведения в двух томах. Библиотека поэта. Москва-Ленинград 1964, т. 2. с. 156.
- 11 Мирский, в цитированном месте.
- 12 Эйхенбаум, в цитированном месте, с. 325.
- 13 Там же, с. 326.
- 14 Архипов, в цитированном месте.

THE MIXING OF GENRES IN LERMONTOV'S VALERIK

Anthony Briggs

Mikhail Lermontov's poem Valerik /1840/, based on his own military experience in the Caucasus, is an established masterpiece. It is acknowledged as a splendid poem in its own right and as an influence on subsequent Russian writers on militarism, particularly Tolstoy. A curious feature of the poem's critical reception has been indecisiveness in its generic definition. The title is in dispute, some critics referring to it as Valerik, others by its opening line. It has been described as a poem /stikhotvoreniye/ a narrative poem /poema/, a versified epistle /stikhotvornoye poslaniye/, a letter in verse /pis'mo v stikhakh/, an essay in verse /stikhotvornyy ocherk/ and even a "chronicle of artistic reporting" /khronika knudozhestvennogo reportazha/. This paper argues that the confusion over genres which has beset this work is no accident. The quality of the poem derives from its elusive, indeterminate, sometimes contradictory nature. Like Geroy Nashego Vremeni it sets up expectations of genre only to frustrate them. It ranges wide in subject matter and tone, and its salient characteristics are contrast and variety. It has a strange polyphonic character speaking through at least seven voices and using all seven persons of the verb /three persons singular and plural plus impersonal forms/. Thus the refusal of this important work to be tied down by generic definition should be taken as a deliberate ploy of Lermontov's calculated to enhance the grand scale, rich diversity and deep significance of the poem.